

ОСТОРОЖНО, ОТРАВЛЕНО!

ЯДЫ
И ИХ ПОВЕЛИТЕЛИ
В ИСТОРИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Полина Палицина
Осторожно, отравлено!
Яды и их повелители в
истории человечества
Серия «Интересный научпоп»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70188073
ISBN 978-5-17-158876-2

Аннотация

Среди всех преступлений, которые когда-либо совершал человек, мало таких же интригующих и мистических, как отравления. Как Лукреция Борджиа, Екатерина Медичи, Иван Грозный и другие знаменитые отравители расправлялись со своими врагами и конкурентами? Какие яды были самыми популярными? Почему яд считается женским оружием и при чем здесь гендерное неравенство? Перед вами сборник будоражащих воображение историй, в которых найдется место детективам и политическим трагедиям, психологическим триллерам и любовным романам. И хотя за столетия они успели обрасти всевозможными мифами и легендами, эта книга покажет, как все было на самом деле. Вы заглянете в императорские дворцы Древнего Рима, станете свидетелями Великого московского

пожара, посетите пригороды Парижа, где жили самые загадочные колдуньи XVII века, вдохнете промозглый воздух викторианской Англии, и даже посетите Китайскую империю за несколько лет до ее падения.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Двойная игра. Локуста, Агриппина и Нерон	16
Борджиа. Великие и ужасные. Папа Римский	29
Александр VI и Лукреция	
Александр VI Борджиа	29
Лукреция Борджиа	40
Личинка из итальянской гробницы. Екатерина	48
Медичи	
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Осторожно, отравлено!

Яды и их повелители в истории человечества

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Автор текста Полина Палицина – журналист-международник, специалист по маркетинговым коммуникациям, сценарист, активистка в сфере прав женщин.

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Введение

Среди всех видов преступлений, которые когда-либо совершались человеком, мало таких же интригующих и мистических, как отравления. Яды издавна привлекали внимание поэтов, писателей, драматургов и режиссеров. Яды были излюбленным видом убийства в детективных романах Агаты Кристи: почти половина из восьмидесяти пяти книг связана с ядами и отравлениями. К ядам не раз прибегали злодеи из шпионских романов Яна Флеминга и Артура Конана Дойля. Мысль о ядах будоражит и вызывает волнение, ведь в отличие от холодного оружия, с помощью которого убийства часто происходят спонтанно, в состоянии аффекта, отравления требуют хитрости ума, стратегического мышления, нужно знать привычки и предпочтения своей жертвы и иметь проработанный план, как именно яд попадет в организм. Одни вещества убивают человека за считанные секунды, другие требуют времени, терпения и по-настоящему кропотливой работы. Одни истории, описанные в этой книге, и правда напоминают детективы, другие – политические драмы, третьи – психологические триллеры, а некоторые больше похожи на любовные романы в духе Шарлотты Бронте. Главное, что все они реальны, хотя за столетия и успели обрасти мифами, легендами и художественными преувеличениями.

Еще только открыв оглавление, вы, скорее всего, заме-

тили, что большинство наших героев – женщины. Это не случайность и не совпадение. Между представительницами женского пола и ядами действительно существует устойчивая связь, формировавшаяся на протяжении как минимум двадцати веков.

До определенного момента у женщин было не так много способов оставить след в истории. «История в целом» строилась исключительно на мужском опыте, который воспринимался как всеобщий. Например, в одной из первых историографий, написанных итальянским поэтом Франческо Петраркой в XIV веке, разговор ведется только о мужчинах. Это совсем не означает, что Петрарка был заядлым женоненавистником, скорее всего, в центре его интересов стояла не столько история мужчин, сколько история великих полководцев и государственных деятелей, которые, конечно же, были обладателями XY-хромосом. Патриархальное общество, которое начало складываться еще в V–IV веке до нашей эры, сразу обозначило место женщины как второстепенное, пассивное. Участие в экономической жизни, владение собственностью и создание продуктов труда, система власти – в лучшем случае участие женщины в этих процессах было второстепенным, в худшем – женщина была вытеснена за их пределы.

Мир, его устройство, культура – все это формировалось мужчинами и для мужчин. Женщине же отводилась роль жены, матери, хранительницы домашнего очага, музыки. Даже са-

мо понятие «человек» в большинстве случаев отождествляется с мужчиной, причем не только в философском, но и лингвистическом плане. Un homme во французском языке, a man в английском, das man в немецком означают одновременно и «человека», и «мужчину». Женщина рассматривается как нечто отдельное, нечеловеческое. Сократу приписывают следующую цитату: «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина». А Аристотель, как полагают, писал: «Женщина является женщиной в силу отсутствия мужских свойств у нее. Мы должны видеть в женщине существо, страдающее природной неполноценностью».

Однако настоящая демонизация и дегуманизация женщины связана вовсе не с античной философией, а с религиозными учениями. «В детстве женщина должна подчиняться отцу, в юности – мужу, после смерти мужа – сыновьям... Женщина никогда не должна быть свободна от подчинения», – гласят индийские «Законы Ману». «Я благодарю тебя, о Господи, что ты не сотворил меня женщиной!» – каждое утро повторяет раввин в своей молитве. «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу. Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава церкви», – увещевает Библия (Послание к Ефесеянам, V: 22–23). «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими», – заявляет Коран (сура IV, аят 38).

Поскольку наше путешествие будет проходить в основном

по территории Европы, нас особенно интересует христианство, а именно Книга бытия, та самая, где появляется миф о грехопадении, в котором Ева, искушенная дьявольским змеем, съедает запретный плод с дерева познания добра и зла и обрекает людей на изгнание из Эдема. В XV веке на основе этого мифа Генрих Крамер и Якоб Шпренгер напишут книгу «Молот ведьм», где выскажут предположение, что с помощью искушения Бог хотел предупредить христиан о необходимости всегда остерегаться зла. Зло же, по мнению Крамера и Шпренгера, олицетворяла женщина как существо, наиболее подверженное дьявольскому влиянию. Тот факт, что Бог создал Еву из ребра Адама, говорит об изначальном несовершенстве женщины: «Следовательно, порочная по своей природе женщина быстрее колеблется в своей вере и, следовательно, быстрее отрекается от веры, что является корнем колдовства».

Miler taceat in ecclesia! – «Женщина да молчит в церкви!»

Страх средневекового человека перед дьявольским искушением, которое повлечет за собой гнев Бога и дальнейшее наказание, был действительно велик. В отличие от современного христианина, средневековый христианин был уверен, что конец света наступит не когда-нибудь, а в самом обозримом будущем. А потому он жил в постоянном ожидании Второго пришествия Христа, Апокалипсиса и Страшного суда за совершенные им грехи. Более того, средневековый чело-

век мыслил себя не как отдельную единицу, а как часть общества, где каждый ответственен за поступки другого: согрешил один – наказание понесет все человечество. И поскольку Ева сыграла непосредственную роль в грехопадении, а каждая женщина произошла от Евы, то людям не оставалось ничего другого, как усилить контроль над женщиной и еще больше ограничить ее в правах. Любое новое ограничение объяснялось благими намерениями: мол, так вы, женщины, будете защищены от дьявольского влияния. Вот только забывали добавить, что вместе с тем про участие в общественной, политической, научной и культурной жизни теперь тоже можно забыть. Женщины вынуждены были существовать в жестких рамках: шаг вправо, шаг влево – и нет, не расстрел – костер. Любое отклонение женщины от принятого образа воспринималось как угроза обществу. Попасть в «неправильную» категорию было так легко, что костры, где сжигали ведьм, горели не потухая по всей Европе на протяжении нескольких столетий.

Положение женщины немного улучшилось в XVI веке. Реформация повлекла за собой радикальные перемены в христианстве, которые были вызваны зарождением и развитием новых буржуазных отношений, где наконец находится место и для женщины. Этот краткий промежуток между Лютером и Кальвином наглядно показывает связь между расширением женских прав и повышением видимости женщины в истории. Впервые женские имена звучат громко, все еще тише,

чем мужские, но их уже можно расслышать: испанский врач и гуманист Беатриса Галиндо, ученая и переводчица Анна Бэкон, писательница Маргарет Роппер. Но и так называемая оттепель длится недолго: вместе с распространением калвинизма, который говорит об абсолютности божественного предопределения, женщины лишаются какой-либо надежды и права на «искупление» греха своей прародительницы Евы.

Следующей важной вехой становятся буржуазные революции XVIII века, когда политическая активность женщин несоизмеримо возрастает. Однако лозунг «Свобода, равенство, братство» угасает вместе с огнем революции. Когда борьба была окончена, представительство во всех законодательных и правительственных органах вновь оказалось поголовно мужским, а женщины опять остались без базовых политических и экономических прав. В XIX веке ситуация не становится лучше, хоть и появляются первые феминистки, которые борются за избирательные и имущественные права. Женщина все еще воспринимается как неполноценное существо, инфантильное, несмышленное, которое и дня не проживет без опеки мужчины, но при этом хитрое, коварное и способное на обман, а потому недостойное доверия. Интересно, что подобное противоречие легко уживалось в умах людей и не вызывало ни вопросов, ни внутренних протестов.

Теперь, когда мы в общих чертах обрисовали исторические обстоятельства, в которых вынуждены были существовать женщины, знаменитая фраза: «Яд – это женское ору-

жие», наконец начинает обретать смысл. Долгое время яды выступали для женщин великим уравниателем. Когда закон и религия отказываются встать на твою сторону, не остается ничего другого, как заключить «сделку с дьяволом». Магические миры, к которым относилась алхимия и наука ядов, вообще предлагали для женщины гораздо больше свободы. Там она могла начать собственное дело, заниматься карьерой, никто не требовал от нее высокой морали и не ожидал, что она будет кротким приложением к мужу. То, чего мужчины добивались с помощью поединков, войн и дебатов, женщина получала благодаря ядам или колдовству, которые позволяли заполучить свое, исключив из арифметического уравнения грубую силу.

Помимо карьерных возможностей, яды предлагали чувство контроля над собственной жизнью. Со времен Древнего Рима, когда только появились первые знахарки, их главными клиентами были женщины. В конце концов, кто может понять нелегкую женскую долю лучше, чем та, кто знает о ней не понаслышке? По сути, подобные знахарки и травницы предлагали целый спектр услуг, способный решить любую женскую проблему: от нежелательной беременности до мужа-тирана. Изучая истории наших героинь, вы наверняка заметите, что большинство из них кроме изготовления ядов занимались акушерством. Философы-медики древнего мира, да и средневековья, были сосредоточены на здоровье мужчин. Женщин (и в особенности процесс деторождения) они

обходили стороной. Более того, общение мужчины с беременной пациенткой и ее лечение могли негативно сказаться на его репутации. Неудивительно, что акушерство стало прерогативой женщин, чем-то тайным и по понятным причинам совсем не изученным. Но акушерство не слишком волновало мужчин. Яды, а точнее то, как женщины распоряжались ими, вот что пугало их.

На протяжении столетий выстраивалась строгая патриархальная система, на которой держалось общество. Тот факт, что женщины нашли лазейку и действуют вопреки установленному укладу, приводил в ужас. Каждое отдельное убийство отца, мужа или брата воспринималось не как частное преступление, а как попытка пошатнуть весь патриархальный строй. Отчасти так оно и было. Поскольку законных методов обрести финансовую независимость или хотя бы развестись у женщин не было, яды становились оптимальным решением. И речь шла не о единичных случаях: на один крупный средневековый европейский город приходилось по несколько сотен отравлений в год. Европа буквально была опутана сетью из отравителей, корни которой находились в Италии.

Если женщины считались повелительницами ядов, то Италия была их родиной. В Средние века у Италии была весьма однозначная репутация места, где наука ядов не просто зародилась, но достигла своей вершины. Слухи, которые доносились до Западной Европы с юга, лишь убеждали лю-

дей в их суждениях: то семейство Медичи отравит очередного соперника, то клан Борджиа умертвит пару сотен кардиналов с помощью отравленных просфор, то загадочная травница из Рима изобретет яд, который невозможно обнаружить. Казалось, что девяносто процентов мировых отравлений сосредоточились именно в Италии. И если человек был итальянцем, то он моментально попадал под подозрение. Очевидно, европейцы были уверены, что талант к алхимии передается по наследству. А если вы к тому же были женщиной, то считайте, вам не повезло вдвойне. Дурная репутация Италии и тотальное недоверие католического общества к женскому полу создавали идеальную почву для мифов и предрассудков, которые впоследствии тиражировались в культуре и воспринимались как неопровержимые истины.

Да, мы сами заявили, что у женщин были все основания прибегать к ядам как к методу борьбы за независимость. От своих слов не отказываемся, однако предлагаем внимательнее и чуть с большим недоверием относиться к фактам, которые нам предлагает история. По большей части это касается таких великих отравительниц, как Екатерина Медичи или Лукреция Борджиа, но не обходит стороной и мужчин: например, отца Лукреции, Папу Александра VI. На формирование образов великих и ужасных отравителей влияло даже не столько количество жертв или жестокость совершенных ими преступлений, сколько политические факторы, предвзятость некоторых современников и историков и свойство лю-

дей приукрашивать действительность.

Одной из задач нашей книги было пробраться через дебри выдумок и противоречивых фактов, чтобы показать истинную картину, не вырывая ее из исторического и политического контекста. Скажем честно, добраться до правды удавалось не всегда, в какой-то момент исследование заходило в тупик и разбивалось о несовпадения и противоречивые заявления. И все же мы постарались не просто собрать для вас список громких имен, а выстроить цельный рассказ, где нашлось место для рассуждений о месте женщины в истории, дворцовых интриг, семейных баталий и убийств, достойных экранизации Netflix. Вместе мы заглянем в императорские дворцы Древнего Рима, в пригороды Парижа, где жили самые знаменитые колдуньи XVII века, вдохнем промозглый воздух викторианской Англии, станем свидетелями великого московского пожара и даже посетим Китайскую империю за несколько лет до ее падения. Пристегнитесь, мы отправляемся в наше кругосветное путешествие.

Двойная игра. Локуста, Агриппина и Нерон

Во времена Римской империи многие недопонимания и конфликты решались очень просто – с помощью отравлений. «Нет человека – нет проблем», – любимый принцип римской знати. Совсем неудивительно, что у многих знахарей и наемников были постоянные клиенты среди представителей высшей аристократии, а при дворах существовала такая должность, как специалист по ядам. Иногда сотрудничество клиента и отравителя было настолько плотным, что его итогом становились многочисленные трупы. Одним из таких союзов был союз Агриппины, жены императора Клавдия I, и Локусты – самой знаменитой отравительницы, которая, по некоторым данным, была первой серийной убийцей в истории.

Локуста была родом из небольшой деревушки в Галлии. Ее отец зарабатывал на жизнь знахарством, поэтому выбор профессии был вполне предсказуем. С юных лет Локуста училась собирать и обрабатывать травы. Она знала, как прервать нежелательную беременность, унять жар, вылечить раны. Она знала, какие травы ядовиты, какие отгоняют голодных хищников от стен деревни, а какие способны спасти жизнь. Локуста могла бы продолжить дело отца и до конца своих дней работать знахаркой, завести семью и детей. Но

амбиции Локусты распространялись куда дальше небольшой деревушки и размеренной семейной жизни. Поэтому девушка, как и миллионы людей во все времена и эпохи, отправилась покорять столицу.

Оказалось, что травница, хоть и очень хорошая, не очень нужна римлянам. Зато знание ядовитых растений в городе, где балом правили жадность и тщеславие, было очень даже кстати. Рим буквально кишел обманутыми мужьями и женами, детьми, жаждущими наследства, и политиками, которые стремились накопить огромные состояния самым быстрым и безопасным путем. Так что недостатка в клиентах у Локусты не было: она тихо и без улик устраняла неугодных людей по заказу, а взамен получала щедрую плату.

Химической науки тогда не существовало, и вряд ли Локуста была в курсе, что соединения мышьяка угнетают энергетический обмен. Зато она точно знала, что подмешанный в пищу мышьяк вызывает хроническое заболевание нервной и пищеварительной систем, а экстракт из растения аконит оказывает смертельное судорожно-паралитическое действие, если соприкоснется с кожей. Локуста орудовала настолько умело и бесстрашно – ни один из тех, кто хоть раз испил ее отвара, не выжил – что в 54 г. н. э. ее заключили в тюрьму и приговорили к казни. На этом история Локусты могла закончиться, если бы не Агриппина – еще одна дама с амбициями, для реализации которых в то время у женщин было не так много возможностей.

Четвертая и последняя жена императора Клавдия I, Юлия Августа Агриппина, прославилась как сестра великого и ужасного Калигулы и мать Нерона. Она же была первой женщиной, удостоившейся титула августы во время правления мужа. Одного этого достаточно, чтобы войти в историю и остаться в ней навсегда. Но Агриппина не искала легких путей и уж точно не хотела быть приложением к своему мужу, брату и сыну. Историю Агриппины можно было бы назвать вдохновляющей и вполне феминистской, если бы не одно но: дорога к успеху императрицы была выложена трупами. И не последнюю роль в этом сыграла Локуста.

Послужной список юной знахарки настолько впечатлил жену императора, что она лично попросила освободить Локусту. А затем, недолго думая, сделала ее своей личной отравительницей. Все началось в 54 г. н. э., когда Агриппина пришла в застенки к Локусте и предложила сделку: свобода в обмен на самый сильноедействующий яд, предназначенный императору Клавдию. Не очень-то благодарное отношение к мужу, который сделал ее первой полноправной правительницей. Императрица не могла долго ждать и была полна желания как можно скорее поставить на трон своего сына Нерона. На тот момент Нерону было уже 16 лет: по меркам Римской империи это был готовый император в самом расцвете сил.

На самом деле кампания по возведению любимого сына на престол началась гораздо раньше. Отравление стало всего лишь финальным аккордом в долгой и запутанной исто-

рии. Еще в 50 г. н. э. Агриппина уговорила Клавдия усыновить Нерона, чтобы тот стал первым и официальным наследником престола. Сказано – сделано: Луций Домиций Агенобарб стал именоваться Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик. Вся деятельность Агриппины была направлена на укрепление позиций своего сына, в основном за счет расстановки преданных ей людей на государственные должности. Так, на пост префекта преторианской гвардии назначили Секста Афрания Бурра – галла, который совсем недавно был одним из воспитателей Нерона. Агриппина позаботилась и о главном сопернике – Британнике, сыне Клавдия I. На правах императора она лишила Британника всех прав на власть и удалила его со двора. Казалось бы, все шло безупречно. Но брак Агриппины и Клавдия дает трещину, а император вновь приближает к себе родного сына, все больше отдаляясь от Агриппины и Нерона. Такого Агриппина стерпеть не могла. Наверное, в тот момент она и осознала, что настало время брать судьбу в свои руки и не ждать естественной смерти Клавдия. Кто знает, вдруг он решит прожить еще пару десятков лет? Потому с помощью Локусты и придворных поваров для императора был приготовлен изысканный грибной соус.

В те времена знать предпочитала особые грибы ярко-оранжевого цвета – золотистые мухоморы семейства Амонитовые. Они пользовались такой популярностью у римской аристократии, что впоследствии их стали называть це-

зарскими грибами – по титулу правителей Римской империи. Грибы были одним из главных деликатесов любого императорского стола. Их запекали, жарили, сушили, употребляли в салатах и использовали в качестве соуса. Именно такой соус и погубил Клавдия I: туда Агриппина подмешала опий и аконит, которые для нее подготовила Локуста.

Забавно, но Клавдию почти удалось спастись от отравления благодаря сильной алкогольной интоксикации. Император настолько напился на пиру, что организм принялся усиленно избавляться от алкоголя вместе с ядом – попросту говоря, императора начало нещадно рвать. Однако заботливая жена предусмотрела и это. Полагают, что Агриппина действовала в сговоре с врачом, который поспешил помочь императору пером для вызова рвоты, заранее пропитанным быстродействующим ядом. У Клавдия не было шансов. Уже через 12 часов император скончался в муках, а Нерон занял долгожданный трон.

«Бедным друзьям подают другие грибы, неважного сорта, болети – хозяину».

Ювенал, «Сатиры»

В Древнем Риме **цезарские грибы** также называли bolet и считали первыми среди всех существующих грибов. Особенно прославил этот гриб полководец Луколл, который был известным гурманом и пиры которого настолько поражали воображение современников, что вошли в поговорки.

Аконит

Аконит, или Борец (*Aconitum*) – род многолетних травянистых ядовитых растений семейства Лютиковые (*Ranunculaceae*). По древнегреческой легенде, аконит вырос из ядовитой слюны пса Цербера, которого Геракл вывел на землю из подземного царства мертвых. На самом деле все более прозаично. Токсичность аконита вызвана содержащимися в нем алкалоидами, в первую очередь аконитина, которые воздействуют на центральную нервную систему, вызывая судороги и паралич дыхательного центра. При попадании в организм аконита жертва начинает ощущать учащенное сердцебиение, удушье, зуд и жжение на тех участках кожи, куда попал яд, и повышенное слюноотделение, если яд был принят орально. Ядовитые свойства аконита были известны еще в древности: греки и китайцы изготавливали из него яд для стрел, а в Непале им отравляли воду и приманки для хищников.

Смерть императора была громким событием и, конечно, привлекла внимание общественности. Началось расследование. Все улики указывали на Локусту, а Агриппина лишь охотно подтвердила все показания. Лишние свидетели ей были ни к чему. После года на свободе Локуста вновь оказалась в тюрьме и вновь над ней висела угроза смертной казни. «Терять такого ценного сотрудника было бы преступлени-

ем», — очевидно, подумал Нерон и пришел к Локусте с той же просьбой, что и его мать. Ему нужен был яд, который убрал бы его главного соперника — Британника, сводного 14-летнего брата. К тому же статус императора значительно способствовал сепарации Нерона от властолюбивой матери: через несколько месяцев после вступления на престол юноша обзавелся новыми фаворитами и перестал прислушиваться к Агриппине. Как вы можете догадаться, она не была готова терять влияние и начала поддерживать притязания на власть Британника.

Первое отравление Британника не было удачным: Локуста приготовила слишком слабый яд, а Британник отделался расстройством желудка. По одной из версий, сделано это было специально, чтобы придать смерти жертвы видимость естественной продолжительной болезни и отвести подозрения от Нерона. Однако юный император, как и его мать, не отличался терпеливостью и не беспокоился о собственной репутации. На этот раз он приказал Локусте приготовить самый сильный яд, который вызовет мгновенную смерть.

Это убийство требовало значительного мастерства по нескольким причинам. Яд нельзя было просто подлить Британнику в еду или питье: из-за моды на отравления все высокопоставленные и богатые римляне держали при себе рабов, которые первыми пробовали блюда и напитки. Если яд был быстродействующим, дегустатор умирал почти мгновенно. Если же яд действовал медленно, то факт того, что хозя-

ин и раб заболели одновременно, мог служить доказательством отравления. Нерон прекрасно знал об этих нюансах, так что сначала на пиру жертве было предложено проверенное, но слишком горячее питье. Британник, ожидаемо, попросил остудить напиток. Уже после первых глотков юноша начал задыхаться и биться в припадке. Яд не был добавлен непосредственно в напиток, им не были обработаны края сосуда. Яд содержался в графине с холодной водой, которой разбавили проверенный императорский напиток.

Согласно устоявшемуся обычаю, семья обычно обедала вместе. Агриппине пришлось воочию наблюдать, как умирает Британник. «На лице Агриппины отразился такой испуг и такое душевное потрясение, с которым она, как ни старалась, справиться не могла», – писал об этом Тацит. Для Нерона же все происходящее не было сюрпризом, поэтому он бесстрастно продолжил трапезу, лишь сухо заметив гостям, что его брат с детства подвержен эпилепсии, а этот припадок – обычное дело. Ложь императора была наглой и очевидной, но никто, включая Агриппину, не мог ему возразить. В конце концов, братоубийство не было редкостью для Римской империи. Застолье продолжилось как ни в чем не бывало.

Интересно, что вместе с Британником чуть было не погиб еще один будущий император – Тит. Он был близким другом юноши и из любопытства попробовал отравленный напиток после того, как у Британника появились первые признаки недомогания. Из-за того что доза была совсем неболь-

шой, Тит только «долго мучился тяжелой болезнью»¹. А через 24 года после смерти Британника он сделался императором.

Нерон был жестоким человеком, но он умел держать свои обещания. Император оставил Локусту при дворе, гарантировал ей свободу, подарил огромные поместья и даже позволил открыть школу, где она учила других изготавливать яды. Столь доброе отношение к отравительнице не было бескорыстным. Следующей целью Нерона стала Агриппина. Однако этот план императора так никогда и не воплотился в жизнь. Все три попытки отравления были неудачными. Возможно, Локуста, которая вела двойную игру, помогала Агриппине.

Вместе с наукой ядов в Древнем Риме развивалась и наука противоядий. Считалось, что прием небольшого количества ядов на протяжении долгого времени способен выработать иммунитет к отраве. Скорее всего, по совету Локусты Агриппина поступала именно так. Но Нерон был настоящим сыном своей матери. Поняв, что отравить Агриппину ему не удастся, он расправился с ней в открытую – ее закололи солдаты.

Териак

Териак Андромаха – универсальное противоядие,

¹ Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей».

которое изобрел царь Митридат VI Евпатор. По легенде, Митридат настолько боялся быть отравленным, что постоянно ставил опыты на преступниках, чтобы создать средство, которое защитит его от любых ядов. В Древнем Риме териак впервые был составлен Андрوماхом, врачом царя Нерона, сына Агриппины. Он же изменил изначальное название препарата с «митридатикума» на «териак». Считается, что именно это средство принимала Агриппина из страха быть отравленной сыном. Вероятно, исконный препарат представлял собой протертую пасту черноватого оттенка из трав на винной или медовой основе. В ее состав входили мясо гадюки, опиум, гиацинт – всего 74 ингредиента. Древние врачи верили, что чем больше составляющих будет в териаке, тем больше разновидностей яда он сможет излечивать. Однако уже в XVII веке волшебные свойства териака были поставлены под сомнение, а в XVIII веке препарат и вовсе вышел из употребления, перейдя в область легенд и воспоминаний.

Жестокость, деспотизм и вероломство Нерона в итоге привели его к свержению в 68 г. н. э. К концу своего правления император стал очень подозрительным, у него развилась паранойя и страх смерти. Опасаясь заговора, он обратился к Локусте с последней просьбой – изготовить яд для самоубийства. Отравительница выполнила его просьбу, но испробовать яд Нерону так и не удалось. Золотой ларчик с ядом прихватил кто-то из слуг в последнюю для Нерона ночь, ко-

гда в Рим пришла весть о приближении войск Гальбе. Оставшись без яда, со словами: «Какой артист погибает!» император перерезал себе горло.

Драматическая смена власти не сулила ничего хорошего Локусте. Хотя Локуста старалась остаться неприметной, слава о ней и ее талантах расползлась далеко за пределы города. Локуста была арестована новым императором вместе с другими соратниками Нерона. Легенда гласит, что для великой отравительницы выбрали изощренную казнь – изнасилование специально обученным жирафом. Зная любовь римлян к различным пыткам и учитывая ненависть народа к Локусте, это не звучит так уж маловероятно. И все же историки полагают, что для Локусты выбрали более традиционное наказание. «Колдунью Локусту и других отбросов, которые всплыли на поверхность во времена Нерона, он [Гальба] приказал провести по всему городу в цепях, а затем казнить», – писал автор «Римской истории» Дион Кассий.

Мы не знаем, чего искала Локуста в Риме: славы, денег, признания, самореализации? В любом случае, хоть и на короткий период времени, все это у нее было. Судьба отравительницы была тесно переплетена с судьбами цезарей и уж точно не походила на жизнь среднестатистической женщины, тем более во времена Древнего Рима.

Локуста и Агриппина, хоть и стали самыми знаменитыми отравительницами в истории Древнего Рима, отнюдь не были первыми. Первое судебное дело об отравлениях было рассмотрено в Риме в 331 году до н. э. Знатные патриции гибли от отравлений как мухи – многие даже принимали происходящее за неизвестную человечеству эпидемию. Возможно, происходящее так и осталось бы «эпидемией», если бы одна из рабынь не пришла с доносом в сенат. У двух патрицианок, Корнелии и Сергии, в доме обнаружили подозрительные снадобья. Сами женщины утверждали, что это лекарства и косметические средства, но когда в суде их обоих заставили выпить содержимое бутылочек, чтобы доказать его безопасность, Корнелия и Сергия погибли. Конечно же, они прекрасно знали, что в бутылочках содержался яд, но умереть по собственной воле было гораздо лучше, чем подвергнуться пыткам и смертной казни. При расследовании дела Корнелии и Сергии выявили более ста женщин-отравительниц, которые с помощью ядов избавлялись от мужей, любовников, братьев и отцов.

По римскому законодательству того времени все преступления, связанные с отравлениями, приравнивались к категории государственных, наравне с предательствами и заговорами. На таких «ядовитых» делах по сути формировалось

знаменитое римское право. Например, Цицерон сделал себе имя и карьеру, защищая многочисленных отравителей и красноречиво доказывая, что между ядом и лекарством нет никакой разницы.

Уголовные дела, связанные с отравлениями, чаще всего строились вокруг семейных хитросплетений. Так, одна женщина отбила мужа у собственной дочери, но через некоторое время после этого зять и по совместительству муж погиб загадочной смертью. Тогда женщина вновь вышла замуж, но новый супруг оказался никем иным, как тем самым загадочным убийцей. Более того, ранее он уже избавился от пяти своих жен разными уголовными способами. Становиться шестой женщина не желала, потому отравила мужа, а вину за содеянное переложила на сына.

Борджиа. Великие и ужасные. Папа Римский Александр VI и Лукреция

Александр VI Борджиа

«Войны выигрываются не армиями и золотом, а поварами на кухнях и распорядителями званых обедов. Нужна малость – нужно уметь влить в бочку меда каплю яда».

Александр VI Борджиа

Мало какая семья в мировой истории окутана бóльшим количеством мифов и предрассудков, чем семья Борджиа. А если быть точнее, Александр VI Борджиа и его дочь Лукреция. Одни открыто называют их исчадиями ада, приписывают им самые бурные оргии, которым позавидовал бы Калигула, и даже обвиняют в инцесте. Другие считают, что все эти факты – не более чем сплетни, порожденные борьбой за власть и недовольством объединительной политикой Александра VI. Как бы то ни было, в историю отец и дочь вошли как одни из самых коварных отравителей за всю историю человечества. Что ж, давайте разбираться.

Родриго Борджиа – именно так звали нашего героя до то-

го, как он принял папский сан – родился 1 января 1431 года в замке Хатива в одноименном поселении недалеко от Валенсии. Само рождение Родриго уже было связано с развратом: считалось, что он появился на свет вследствие кровосмешительной связи его матери, урожденной Иоанны, родословную которой некоторые историки ведут аж от арагонских королей, и ее брата, ставшего позже папой Калликстом III.

Уже в раннем детстве Родриго выделялся среди сверстников удивительными способностями к самым разным наукам, искусствам и иностранным языкам, а изучив юриспруденцию, сыскал себе славу на редкость красноречивого адвоката, специализирующегося на сложных и щекотливых делах. Несмотря на успех и победы в судах, пылкому Родриго наскучило это занятие и он обменял адвокатский костюм на военный мундир.

Будущий Александр VI уверенно шел по стопам своего дяди (а может быть, и отца) Алонсо де Борджиа, который также был выдающимся юристом, церковным политиком, а после дорос до кардинала и переехал в Рим. Когда же Алонсо избрали новым папой, будущее Родриго было определено. Как только Алонсо наградили тиарой, он вызвал любимого племянника в Рим и настоял, чтобы тот отказался от военной карьеры и облачился в сутану. Благодаря такому сильному покровительству карьера Родриго развивалась стремительно. Уже через несколько лет он получил сан архиепископа Валенсии, а в возрасте 24 лет стал кардиналом. Бенефи-

ций размером в несколько тысяч эку, а также немалые доходы от родовых поместий позволили Родриго жить на широкую ногу. По Риму ходили слухи о развратном образе жизни молодого кардинала и даже о массовых оргиях, в которых он принимал участие. В 1460-е годы у кардинала родилось трое детей от неизвестных женщин, пока в 1468 году он не встретил любовь всей своей жизни – Ваночцу Деи Каттанеи. Несмотря на то что к тому моменту Родриго уже принял сан священника, это не помешало ему открыто жить со своей возлюбленной. Более того, именно она родила ему четверых детей: Джованни, Чезаре (того самого, что стал прототипом «Государя» Макиавелли), Джоффри и Лукрецию, о которой речь пойдет чуть позже. Вокруг семьи Борджиа всегда ходила дурная слава. Например, Ваночцу обвиняли в отравлении ее матери Елены, а Елене приписывали отравление мужа. В общем, тема отравлений следовала за Александром VI по пятам.

И все же как мудрый человек он понимал, что достигнуть желаемой карьерной цели (стать новым папой) он сможет только при соблюдении внешних приличий. В какой-то момент поведение Родриго резко изменилось. Скорее всего, это было связано с обострившимся желанием получить папский сан. Позднее французский публицист Морис Лашатр писал, что Родриго всегда появлялся на людях скрестив руки, с потупленным взором. Он исправно посещал церкви, больницы и богоугодные заведения, проявлял ревностную любовь к

религии и нравственности. Родриго прозвали Соломоном – за мудрость, Иовом – за терпимость и Моисеем – за верность закону Божьему.

В 1492 году могущественный покровитель Родриго, Папа Иннокентий VIII, скончался, а Борджиа оказался одним из претендентов на престол. Как бы Родриго ни старался заслужить репутацию благочестивого и крайне религиозного человека, совсем не это помогло ему стать Папой Римским. Борьба за тиару была похожа на битву взяток и кошельков. К счастью Родриго, возможности его были велики, а состояние позволяло обойти соперников. 11 августа 1492 года Родриго Борджиа стал Папой Римским. В книге «Жизнь Чезаре Борджиа» Рафаэль Сабботини дал ему отличную характеристику, которая, пожалуй, объясняет многое: «Родриго Борджиа отнюдь не был святым, но никто и не предъявлял такого требования в качестве критерия пригодности нового Папы Римского».

Сразу следует оговориться, что Родриго Борджиа со всей его репутацией никогда не был белой вороной и запросто мог затеряться в череде других пап. Среди церковных деятелей было немало развратников, пьяниц, убийц, богохульников. Целый период истории Святого престола с 904 по 963 годы носит название «порноκρατία» – «правление блудниц» (*pornocrazia romana, governo delle prostitute*). Например, Папа Римский Иоанн XII, восседавший в Ватикане в то время, лично присутствовал на всех казнях, выпивал за здо-

ровье дьявола и держал целый публичный дом. Сикст IV, занимавший престол с 1471 по 1484 годы, по данным хроники Стефано Инфессуры², был «страстным любителем мальчиков и содомитов, вручал бенефиции и кафедры за интимные услуги». Иннокентий VIII, которого мы уже не раз упоминали, за восемь лет понтификата обзавелся двенадцатью детьми и двоих из них признал официально. Тот же Стефано Инфессура сообщал, что будучи при смерти Иннокентий VIII пытался поддержать в себе жизнь кровью мальчиков. В итоге умерли все: понтифик от старости, а мальчики – от истощения. Оскар Уайльд в книге «Портрет Дориана Грея» даже назвал Иннокентия VIII одним из тех, «кого Пресыщенность, Порок и Кровожадность превратили в чудовищ или безумцев». Так почему же именно Александр VI Борджиа и его семья уже несколько веков будоражат умы историков и обычных людей?

Во-первых, Александр VI был испанцем в Италии. Во-вторых, он и его сын Чезаре были чересчур амбициозными, что очень не нравилось итальянским кардиналам. Александр и Чезаре держали в ежовых рукавицах местные олигархические кланы и окрестные итальянские территории – кому же такое придется по вкусу? В-третьих, Александр и Чеза-

² Стефано Инфессура – итальянский хронист и политический деятель XV века. По своим политическим взглядам он был республиканцем и ярким противником светской власти Святого престола. Его хроника, которая характеризует политику пап с 1303 по 1494 год, является важным, но не всегда достоверным историческим документом. – *Прим. авт.*

ре значительно расширили границы папской области, присоединив к ней немало территорий, а значит, лишили автономности и власти тех, кто правил на них до этого. Наконец, Александр, несмотря на все слухи, пользовался большой популярностью у народа, что не могло не вызывать зависть у кардиналов и правителей соседних государств.

А может быть, дело было в разврате, который царил в Риме именно во времена понтифика? Теория хорошая, вот только изучение исторических документов показывает, что Рим стал «столицей греха» задолго до Александра VI. Еще в книге «Декамерон», написанной Джованни Боккачо в 1352–1354 годах, Рим описывается так:

«Из того, что он заметил сам, будучи человеком очень наблюдательным, и того, что слышал от других, заключил, что все они (кардиналы) прискорбно грешат сладострастием, не только в его естественном виде, но и в виде содомии, не стесняясь ни укорами совести, ни стыдом, почему для получения милостей влияние куртизанок и мальчиков было не малой силой. К тому же он ясно увидел, что все они были обжоры, опивалы, пьяницы, наподобие животных, служившие не только сладострастию, но и чреву, более чем чему-либо другому. Всматриваясь ближе, он убедился, что все они были так стяжательны и жадны до денег, что продавали и покупали человеческую, даже христианскую кровь и божественные предметы, какие бы ни были, относились ли они до таинства, или до церковных должностей. Всем этим они пуще

торговали, и было на то больше маклеров, чем в Париже для торговли сукнами или чем иным... Не видел там ни в одном клирике, ни святости, ни благочестия, ни добрых дел, ни образца для жизни или чего другого, а любострастие, обжорство, любостяжание, обман, зависть, гордыня и тому подобные и худшие пороки».

Одним из самых последовательных и злейших врагов Александра был кардинал Джулиано делла Ровере, который впоследствии стал папой Юлием II. Именно Юлий первым обвинил Александра Борджиа в отравлении многих из 27 кардиналов, умерших за время его одиннадцатилетнего правления: «Как правило, использовался сосуд, содержимое которого в один прекрасный день могло приобщить к вечности неудобного барона, богатого служителя церкви, слишком болтливую куртизанку, острого на язык камердинера, вчера еще преданного убийцу, сегодня еще преданную возлюбленную. В темноте ночи Тибр принимал в воду бесчувственные жертвы кантареллы».

Кантарелла

Якобы фирменный яд семьи Борджиа, который представлял собой порошок под названием «кантаридин». По одной версии, его изготавливали из выделений шпанской мушки (лат. – *cantharis*), жука-навозника, желез древесной жабы и растительных

препаратов из Африки. Такие ингредиенты не только стоили очень дорого, но и требовали серьезных знаний в химии и биологии. Производить подобный яд самостоятельно семейство Борджиа вряд ли могло, но кто помогал им в этом, до сих пор доподлинно неизвестно. По другой версии, в состав кантареллы входил мышьяк, соли меди и фосфора, а также капли ядовитых растений из Нового света. Расходятся и варианты того, как именно действовал яд. Одни считают, что его добавляли непосредственно в еду и напитки. Например, в просфоры, которые перед причастием съедали неугодные папе политики и кардиналы. Кантареллой могли приправлять блюда на праздничных пирах в ватиканском дворце. Говорят, чтобы отвести подозрения и усыпить бдительность жертвы, папа натирал ядом нож только с одной стороны. Разрезая персик, он отдавал половину врагу, а другую, соприкасающуюся с не отравленной стороной ножа, отправлял в рот. Вино Борджиа имело особенно ужасающие свойства: после него у человека выпадали зубы и волосы, сходила кожа, в конце концов он умирал после долгой и мучительной агонии.

Другие исследователи утверждают, что яд убивал при соприкосновении с кожей и вызывал летальный исход уже через сутки. Чаще всего кантареллу незаметно наносили на бокалы, посуду, драгоценности и перчатки – всего одно касание, и потенциальная жертва мертва. Идеальное убийство. Кстати, о «смертельных украшениях» клана Борджиа до сих пор

ходят легенды. И одно из самых известных – ядовитый перстень Чезаре Борджиа, сына Александра VI. Чезаре лично разработал проект убийственного кольца: это был золотой перстень, на крышке размещались пять крупных и много мелких алмазов рубинового цвета, а между ними прятался главный элемент – иголочка, соединенная с резервуаром с ядом. Стоило повернуть перстень крышкой к ладони и пожать человеку руку, как иголка слегка царапала кожу жертвы и яд вступал в действие. Лукреция отравляла немного другим способом: она наносила яд на ключ якобы от ее спальни. Она вручала этот ключ тому, кому «назначила свидание». Как только жертва брала ключ, яд попадал на кожу.

Несмотря на то что о яде Борджиа слагают легенды, некоторые факты заставляют усомниться в правдивости истории. Дело в том, что еще со времен Древнего Рима кантаридин использовался в качестве мужского афродизиака. Тацит писал, что императрица Ливия, жена Августа, подсыпала этот препарат своим гостям во время обедов, но не с целью отравления, а чтобы затащить их в постель и заполучить компромат. Кантаридин принимал и император Генрих IV – муж русской княжны Евпраксии Всеволодовны, которая впоследствии обвиняла его в сатанизме и многочисленных сексуальных извращениях. Шпанские мушки вообще довольно широко применялись во Франции: в Париже XVII века было популярно зелье Катрин Монвуазен, которая была известна под прозвищем La Voisin («Соседка»). Клиентами Катрин были

представители высшей аристократии королевства, которые принимали зелье для дополнительного возбуждения. Некоторые ученые полагают, что молодой фаворит императрицы Екатерины II, Александр Ланской, умер от систематического употребления кантаридина. Дело в том, что Екатерина была на 28 лет старше Ланского и, вероятно, уже не привлекала своего фаворита сексуально. По словам придворного врача Вейкарта, для того чтобы удовлетворить желания императрицы, Ланской принимал кантаридин, который он получал от доктора Соболевского. Симптомы болезни несчастного любовника были очень похожи на отравление кантаридином, но речь идет о длительном и регулярном злоупотреблении препаратом. Получается, однократная доза яда должна быть обильной, чтобы вызвать немедленный смертельный исход. То количество кантаридина, что помещалось бы в перстень или на нож, скорее действовало бы на жертв Борджиа как афродизиак.

Еще одним критиком Александра VI был проповедник Савонарола, который обвинял и Рим, и папу в грехе и отступлении от Церкви. Савонарола использовал свой авторитет и добился того, чтобы Флоренция вступила в союз с Францией, а не с папой. Этого Александр VI простить ему не смог: он силой присоединил монастырь, где проповедовал Савонарола, к Папской области, отлучил его от церкви и затем казнил. К слову, весьма традиционным способом, без отравлений.

Мы, конечно, не утверждаем, что Александр VI Борджиа был святым, и совсем не исключаем, что он действительно предпочитал отравления любым другим способам политической борьбы. Страсть Борджиа к богатству и власти, кумовство, взяточничество и жестокость были совершенно обыденными для той эпохи. Всё это лишь указывало на то, что институт папства и католическая церковь находятся в тяжёлом кризисе и требуют реформ. Репутация Александра VI как главного отравителя и развратника в истории, скорее всего, результат политических игр и хитрых интриг. Особенный интерес вызывает то, почему среди всех многочисленных детей Борджиа именно Лукреция поделила со своим отцом славу главной отравительницы.

Лукреция Борджиа

*«Отравительница и безжалостная убийца.
Кровосмесительница, прелюбодейка, ищадие ада и
отродье гремучей змеи, дочь шакала и гиены».
Джироламо Савонарола о Лукреции Борджиа*

Лукреция Борджиа – незаконнорожденная дочь папы Александра VI и его любовницы Ваноццы Каттанеи, знаменитая красавица, печально прославившаяся из-за подозрительных смертей и политических интриг, которые окружали ее и всю семью Борджиа. Но какая часть скандальной репутации – правда, а какая – выдумка? Для того чтобы понять это, нужно ближе познакомиться с биографией Лукреции.

Однажды в 1480 году Родриго Борджиа пригласил к себе в дом астрологов, чтобы те предсказали судьбу его новорожденного ребенка. Астрологи рассказали, что маленькую Лукрецию ждет блестящее будущее. В каком-то смысле они оказались правы: вот уже несколько столетий ее история является одной из самых тиражируемых в поп-культуре и искусстве, а слава о ней, пусть и весьма сомнительная, разошлась далеко за пределы Италии.

Всю свою жизнь Лукреция считалась красавицей. «Среднего роста и изящного телосложения; лицо у нее довольно длинное, как и нос, волосы золотистые, глаза бесцветные, рот довольно большой, зубы ослепительно белые, бюст

превосходно сложен. Все ее существо излучает веселье и юмор», – так описывал двадцатилетнюю Лукрецию один из придворных. А статная и ровная осанка Лукреции особенно поражала всех, кому она встречалась на пути. Не смог пройти мимо Лукреции и художник эпохи Возрождения Бернардино де Бето, больше известный как Иль Пинтуриккьо. Когда девочке было всего двенадцать лет, он использовал ее в качестве модели для изображения Святой Екатерины, а также для фрески «Диспут Святой Екатерины», написанной им для апартаментов Борджиа в Ватикане в 1492 году. Екатерина, прототипом которой стала Лукреция, стоит в центре фрески и дискутирует с императором Максимом и пятьюдесятью языческими философами. Согласно преданию, девушка пришла в языческий храм, где император приносил жертву богам, и призвала его креститься. Правитель пригласил ее к себе во дворец, созвав также множество философов, но Екатерина одержала победу в споре о вере. Ее тонкая фигура с изящной осанкой выделяется среди множества мужских персонажей фрески. В каком-то смысле эта фреска повторяет и жизнь самой Лукреции: хрупкая и при этом мудрая женщина, которая вынуждена существовать и отстаивать себя в патриархальном мире.

Своему аристократизму и образованности Лукреция обязана двоюродной сестре отца Адриане Орсини. Именно под ее началом девушка освоила высокую культуру, которая позволяла ей уверенно держаться в высших кругах и поражать

окружающих не только внешней, но и внутренней красотой. В доме своей тети Лукреция изучала латынь, греческий, итальянский и французский языки, музыку, пение, рисование. «Прежде всего убедитесь, что вам есть что сказать, а затем выражайтесь просто и откровенно, избегая притворства. Я хочу, чтобы вы научились думать, а не составлять блестящие предложения», – таков был главный принцип воспитания Орсини, который впоследствии сослужит Лукреции хорошую службу.

Взять хотя бы случай, произошедший с ней в 1497 году. Когда Лукреции было всего семнадцать лет, она присутствовала на решении Ватикана об аннулировании ее брака с Джованни Сфорца. Джованни был первым мужем Лукреции, на момент замужества ей было всего тринадцать лет. Джованни был племянником могущественного кардинала Сфорца, а этот союз должен был гарантировать, что Александр VI получает влиятельного союзника на севере и в центре Италии. Спойлер – гарантии оказались не железными. Уже через несколько лет после свадьбы в конфликте между французами и Александром VI Джованни поддержал не ту сторону. Это означало только одно – его придется убить. Убийства не случилось, потому что Джованни бежал в Милан, а Александр начал долгий процесс аннулирования брака на том основании, что Джованни был импотентом, а значит, брак не был «завершен». Именно этот бракоразводный процесс ознаменовал начало спекуляций о сексуальной жизни

Лукреции и во многом сформировал образ девушки как роковой похотливой соблазнительницы. В конце концов брак был аннулирован после публичных заявлений о том, что девственная плева Лукреции не повреждена. Несмотря на то что процесс развода был довольно унижительным для юной девушки, Лукреция не потеряла лицо. По словам посла, после этого девушка произнесла речь на латыни «с такой эlegantностью и аристократизмом, что даже Цицерон не мог бы говорить более точно и изящно».

Брак с Джованни был только началом. Если кратко рассматривать биографию Лукреции, то ее жизнь будет выглядеть как череда удачных и неудачных браков с мужчинами, которых для нее выбирали отец и брат. С того момента, как Родриго Борджиа был назначен Папой Римским, Лукреция больше не принадлежала самой себе, а стала пешкой в игре за счастье и благополучие могущественных мужчин вокруг нее. Все ведущие семьи Италии стремились соединить свое состояние с состоянием могущественного Александра Борджиа. Кардинал Асканио Сфорца писал: «Многие хотят жениться на членах семьи папы через его дочь, и он позволяет многим думать, что у них есть шанс. Даже король Неаполя мечтает завоевать ее руку!»

История отношений Лукреции с мужчинами, безусловно, была насыщенной. Три ее брака, а также насилие и интриги ее семьи еще больше укрепили миф о Лукреции как о помешанной на сексе убийце. Самым серьезным обвинением,

выдвинутым против Лукреции, было обвинение в инцесте с братом Чезаре и отцом, папой Александром VI. Конечно, все это было ничем иным, как злонамеренной ложью, автором которой был первый муж девушки Джованни. Он утверждал, что папа аннулировал брак дочери для того, чтобы «иметь свободу развлекаться с собственной дочерью». Эти слухи укрепились в 1498 году, когда стало известно, что у Лукреции есть внебрачный сын. Несколько лет спустя после его рождения папа издал две противоречивые папские буллы: в одной утверждалось, что отец мальчика – брат Лукреции Чезаре, а во второй – он сам. Некоторые историки считают, что ребенок мог стать результатом романа Лукреции с испанским слугой, другие и вовсе предполагают, что Лукреция не была матерью ребенка, а ее имя вновь использовали для того, чтобы выгородить самого Александра VI, который зачал этого ребенка с какой-то римлянкой.

Но в то время бесчисленным недоброжелателям семьи Борджиа не было никакого дела до достоверности фактов. К тому же многие были не в восторге, что Александр VI в принципе допустил женщину на территорию Ватикана. Говорили, что, когда папа уезжал, он оставлял дочь исполнять официальные обязанности. Другие пошли в своих слухах еще дальше, утверждая, что вместо этого Лукреция посещала дикие вечеринки и устраивала многочисленные оргии прямо на территории Ватикана. Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло, который был папским церемоний-

мейстером, в своих записях утверждал, что Лукреция часто присутствовала на заседаниях коллегии, одетая лишь в прозрачный муслин, который едва прикрывал грудь. По его словам, присутствие кардиналов совсем не смущало девушку, она без стеснения проявляла свои нежные чувства к отцу, принимая его совсем не отцовские ласки. «Позор! Ужас!» – восклицал в своих записях епископ Бурхард.

«Сегодня его святейшество, чтобы развлечь госпожу Лукрецию, велел вывести на малый двор папского дворца несколько кобыл и молодых огненных жеребцов. С отчаянным взвизгиванием и ржанием табун молодых лошадей рассыпался по двору; гогоча и кусая друг друга, жеребцы преследовали и покрывали кобыл под аплодисменты госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались этим зрелищем из окна спальни. После этого отец и дочь удалились во внутренние покои, где и пребывали целый час».

Иоганн Бурхард, Liber Notarum

И вновь мы не утверждаем, что Лукреция была святой. Однако пик слухов о развратном образе жизни девушки пришелся как раз на момент особенно жарких политических разборок семьи Борджиа. Чем активнее становилась деятельность Александра VI, тем более зловещим становился образ Лукреции. Позже, при дворе Феррары, когда она стала женой Альфонсо Д'Эсте, очередного мужчины, которого отобрали для нее лично отец с братом, Лукреция стала считаться образцом хорошего воспитания. Один из важней-

ших текстов эпохи Возрождения свидетельствует об уважении, которым она пользовалась в Ферраре. Поэт Людовико Ариосто в «Неистовом Орландо» утверждает, что Лукреция должна стоять в храме чести и женственности за свою «красоту и честность». Летописец Бернардино Дзамботто восторженно писал об ее утонченности: «У нее большой такт, она благоразумна, очень умна, живая и очень приятная». Обретя в Ферраре хоть какую-то независимость от семьи, Лукреция окружила себя лучшими умами эпохи Возрождения. Наиболее заметным из них был Людовико Ариосто, поэт, который ввел термин «гуманизм» и сочинил эпическую поэму «Орландо Фуриозо».

Лишь позже, уже после своей смерти, Лукреция сыграла значимую роль в создании все более и более фантастических мифов о семье Борджиа. Слово за слово, миф за мифом дурная слава Лукреции почти затмила славу ее отца. Ей приписывали изобретение знаменитых ядов Борджиа, утверждали, что она отравляла своих любовников и соперников, чтобы удержать власть – довольно смехотворная идея, учитывая, сколько реальной власти было у женщины в XV веке. Одним из главных популяризаторов распутного образа Лукреции стал Виктор Гюго, автор романа «Собор Парижской Богоматери». В 1833 году он написал пьесу «Лукреция Борджиа», где дочь папы обдумывает различные способы, которыми она расправится со своими врагами: повесив, задушив, отравив. Позже на основе пьесы Гюго была поставлена одно-

именная опера Гаэтано Доницетти, которая также изображала Лукрецию роковой убийцей. Эта клевета, основанная на слухах и вымыслах, начала распространяться с немыслимой скоростью и надолго стала единственно возможным способом изображения Лукреции Борджиа.

В последнее время история и исследователи стали чуть добрее к Лукреции. Все чаще ее рассматривают не как коварную женскую фигуру, а как жертву интриг собственной семьи. А многочисленные материалы и более скрупулезное изучение источников позволяет нам сказать, что мифы о хитроумных отравлениях – не более чем мифы.

Пожалуй, история клана Борджиа получилась довольно неожиданной. Скорее всего, вы рассчитывали прочесть леденящую душу историю о зверских убийствах и жестокости, а получился подробный и разоблачающий рассказ о политических интригах, которые в большинстве случаев и легли в основу репутации Борджиа. Но совы – не всегда то, чем кажутся. И история еще не раз нам это докажет.

Личинка из итальянской гробницы. Екатерина Медичи

Особой эпохой в истории Европы был XVI век. Причин на то есть множество, но не последняя из них – невиданное до этого количество влиятельных женщин у власти. Елизавета I, Мария Тюдор и Мария Стюарт, регентша Шотландии Мария де Гиз, регентша Испанских Нидерландов Маргарита Австрийская, Маргарита Пармская, Хуана Ла Лока (Безумная) – дочь Изабеллы и Фердинанда Испанских, которая унаследовала трон Кастилии. В Италии была Изабелла д'Эсте – одна из известнейших женщин итальянского Ренессанса, ценительница искусств и знаменитая покровительница художников, прозванная «примадонной Возрождения». Но спору нет, одной из самых ярких личностей в этом списке является Екатерина Медичи.

В 1519 году в великолепном дворце во Флоренции на свет появилось девочка – будущая королева Франции и одна из самых могущественных женщин Европы XVI века. Сразу после рождения Екатерина Мария Ромула Медичи получила прозвище «дитя смерти»: ее мать скончалась через шесть дней после родов, а отец – через две недели. Прозвище будет тянуться за Екатериной всю жизнь: ей приписывали всевозможные убийства членов королевской семьи, геноцид протестантов.

стантов, интриги и тщательно спланированные отравления.

Екатерина Медичи всегда считалась кем-то вроде колдуньи, обученной искусному смешению зелий и способной на убийства без малейших угрызений совести. «Черная королева», «королева змей», «личинка из итальянской гробницы» – у Екатерины было много народных титулов, и среди них, конечно же, был титул искусной отравительницы. Одной из легенд, которая помогла заслужить и сохранить эту репутацию, стала история Жанны д'Альбре, королевы Наварры. Благодаря за эту легенду мы обязаны Александра Дюма-старшего. Создавая образы для романа «Королева Марго», Дюма не просто приписал Екатерине роль отравительницы, но и сопровождал свой рассказ многочисленными подробностями. Выяснить, что именно из этого было правдой, а что – художественным вымыслом, невозможно. Французские писатели в целом никогда не скупились на презрительные суждения в адрес Екатерины. Тот факт, что итальянка без королевской крови в своих жилах сумела добраться до вершины власти, раздражал многих. А политическая деятельность Екатерины всегда вызывала много вопросов и точно сыграла свою роль в том, что ее считали чудовищем как среди католиков, так и среди протестантов: сначала она поддерживает протестантов, а потом – начинает против них войну, апофеозом которой становится Варфоломеевская ночь.

Но начнем с предыстории. В возрасте четырнадцати лет Екатерина стала невестой французского принца Генриха де

Валуа, будущего короля Франции Генриха II. Отношения с мужем складывались непросто. Во-первых, по канонам красоты того времени Екатерину нельзя было назвать красавицей: один венецианский посол описывал ее как «рыжеволосую, небольшого роста и худую, но с выразительными глазами». Во-вторых, Генрих состоял в длительной связи с Дианой де Пуатье, которая сначала была его воспитательницей, а затем – главной фавориткой. Любовный треугольник между Екатериной, Генрихом и Дианой заслуживает отдельного рассказа, поэтому мы не будем углубляться в их запутанную и весьма пикантную историю отношений. При дворе Екатерину также не воспринимали всерьез. Во Флоренции не было принято давать детям всестороннее образование, к тому же французский не был родным языком Медичи. От этого Екатерина часто чувствовала себя невеждой: ей было трудно составлять изящные предложения, она делала ошибки в письме и до конца своих дней говорила с итальянским акцентом. Такого в аристократических кругах ей простить не могли. Екатерину сразу же окрестили «купчихой» и итальянкой. Да, возможно, французский Екатерины не был идеальным, но зато в двух областях ей не было равных – это мода и наука ядов.

Екатерина переехала во Францию не с пустыми руками. Из родной Флоренции Медичи привезла несколько новых тенденций, которые прочно прижились во Франции: роскошная кухонная утварь, традиции итальянской архитекту-

ры и ритуалы красоты. Италия XVI века была благоухающим местом, где духи использовались для придания аромата не только коже, но и всех предметов одежды. Екатерина прибыла на новую родину с личным парфюмером Рене ле Флорентином и обширной коллекцией ароматов, созданных по ее личному заказу.

Настоящий модный фурор произвели парфюмированные или сладкие перчатки, быстро ставшие популярными при французском дворе, где мужчины и женщины носили их как маркер высокого престижа. У кожаных перчаток была лишь одна проблема – неприятный, прогорклый запах. Дело в том, что в процессе дубления кожи в то время использовались экскременты животных, которые придавали ей гладкость и блеск. Неприятный запах совсем не сочетался с образами утонченной аристократии, поэтому производители перчаток обратились к парфюмерии.

В то время парфюмерия строилась на натуральных ингредиентах, потому перчатки чаще всего пахли травами, древесиной и цветами: жасмином, фиалкой, ирисом, цветами апельсина. Процесс производства духов также был непростым: сначала ингредиенты смешивали с животным жиром или маслом, затем кипятили, а потом разделяли. После этого перчатки опускали в полученную ароматную жидкость и оставляли сушиться. В зависимости от материалов и желаемой силы аромата процесс повторялся несколько раз.

Хотя милые ароматные перчатки Екатерины быстро заво-

евали сердца людей из высших кругов, про нее саму нельзя сказать того же самого. Она никогда по-настоящему не была признана французским обществом, которое в дополнение ко всем другим претензиям считало ее манипулятором, самозванкой и обвиняло в связи с темными искусствами. Из-за обширной истории отравлений в Римской империи долгое время итальянцев считали мастерами ядов и колдовства. А интерес Екатерины к науке, особенно к астрономии и астрологии, считались еще одним доказательством ее оккультизма.

Она также была известна необычными методами, к которым она прибегала, чтобы забеременеть. Пожалуй, из всех испытаний, выпавших Екатерине при жизни, самым серьезным было обвинение в бесплодии. В течение первых десяти лет брака с Генрихом II Екатерина пыталась забеременеть, но все было безуспешно. Для Екатерины это стало настоящей трагедией: если бы она не подарила Генриху наследника, тому пришлось бы расторгнуть брак. В патриархальной картине мира XVI века никто даже не рассматривал вариант, что бесплодным может быть мужчина, хотя многие документы указывали на то, что проблема была именно в Генрихе. Подробности, приведенные двумя врачами, Николя Венетом и Жаном Фернелем, а также биографом XVI века Пьером де Бурдеем, доказывают, что Генрих страдал от гипоспадии – порока полового члена. Вероятно, самому королю не очень-то хотелось обладать репутацией мужчины с недо-

статком, поэтому в 1538 году у него внезапно появилась внебрачная дочь. Генрих налево и направо утверждал, что его любовница, Филиппа Дучи, забеременела после всего лишь одной ночи с ним, а ребенок был узаконен. Таким образом король себе обеспечил доказательство мужественности. Так или иначе, у Екатерины не было другого выхода, как срочно подарить Франции наследника. В отчаянии она прибегала к самым причудливым способам. Она гадала на картах таро, носила амулеты и нанимала алхимиков. Говорят, она даже пила мочу беременных животных, употребляла в пищу измельченные в порошок половые органы кабанов, оленей и кошек, кобылье молоко, кроличью кровь, слоновую кость. В общем, общественности было за что зацепиться, обвиняя Екатерину в колдовстве и черной магии.

Но вернемся к истории о Жанне д'Альбре. Франция в 1500-х годах была местом постоянной гражданской войны между католиками и протестантами. Идеи немецкого богослова Мартина Лютера поддержала часть французского клира и ученые-гуманисты. В первые десятилетия XVI века благодаря филологу и богослову Жаку Лефевру д'Этаплю и будущему епископу Мо Гийому Бристоне сложился кружок евангелистов, сторонников обновления и реформы церкви. К новому духовному движению со временем примкнуло чиновничество, придворные, мелкое дворянство, купцы, ремесленники и низший клир. Наибольшее распространение реформаторские идеи получили на юге и юго-западе Фран-

ции, а центром притяжения протестантов стал двор Маргариты Наваррской, матери Жанны д'Альбре.

После смерти мужа Екатерины, Генриха II, в 1559 году началось открытое противоборство между лагерями католиков и протестантов, или, как они называли друг друга, – гугенотами и папистами. Главным действующим лицом папистов была Екатерина Медичи – ревностная католичка. Жанна д'Альбре же яростно защищала протестантизм во Франции и даже объявила его официальной религией своего королевства – к большому неудовольствию Екатерины. В попытке объединить страну был устроен брак между сыном д'Альбре, Генрихом, и дочерью Екатерины, принцессой Маргаритой. Однако то, что произошло дальше, долгое время озадачивало исследователей.

За два месяца до запланированной свадьбы Жанна д'Альбре внезапно скончалась. Многие протестанты, чью религию отстаивала д'Альбре, не верили в ее естественную смерть и предполагали, что именно Екатерина убила свою противницу. Как? С помощью пары тех самых кожаных перчаток!

Один из слухов, который начал распространяться в то время, заключался в том, что Екатерина подарила Жанне пару отравленных перчаток. Перчатки были обычным подарком королевского двора. Их ценили не только за престиж, но и за символизм, который они в себе несли. Получить в подарок перчатки, тем более от самой королевы, означало, что вам доверяют и выражают свою признательность. Однако в слу-

чае с Екатериной это могло означать, что вам не только не доверяют, но и пытаются избавиться от вас весьма изящным способом. Важно указать, что многие историки опровергают версию об отравлении, считая, что всё это – не более чем роковое стечение обстоятельств. А Жанна умерла от самого обычного туберкулеза.

Мышьяк

Долгое время существовала теория, что своих врагов Екатерина Медичи травила особым семейным ядом, разработанным еще ее предками. Однако чем больше исследователи углублялись в эту тему, тем больше фактов указывало на то, что это был самый обычный мышьяк. Мышьяк не просто так называют ядом-рекордсменом: он использовался в качестве орудия убийств с древних времен. Латинское название мышьяка – *arsenicum* – в переводе означает «мощный». Отравителям он нравился за то, что любое убийство с помощью окиси этого полуметалла можно было замаскировать под обычную болезнь. Кроме того, яд не обладал ни вкусом, ни запахом – его было легко подмешать в пищу или покрыть им любую поверхность. Жертва не подозревала об отравлении вплоть до появления симптомов: тошноты, рвоты, жжения в желудке, затем онемения конечностей, судорог и наконец смерти. Смерть от мышьяка наступает по причине обезвоживания. Даже самые опытные врачи

того времени нередко путали симптомы отравления мышьяком с другими заболеваниями, особенно если жертва умирала от накопительного эффекта яда в организме. Смерть от мышьяка нередко принимали за смерть от гриппа, отравления, холеры. Можете себе представить, сколько еще убийств мышьяком было списано на обычные болезни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.